

ВОЗОБНОВЛЕННАЯ „ЮДИФЬ“

Если проблема критического освоения классиков продолжает стоять перед нами во всей своей широте и серьезности, то несомненно, что особенно остро стоит она перед театром музыкальным. Это естественно хотя бы потому, что оперный театр не может отказаться от использования классического наследия в той мере, как это уместно в театре драматургическом, достаточно овладевшим советским репертуаром. И с такой точки зрения капитальный пересмотр и коренная перестановка лучших классических произведений несомненно представляют собой одну из своевременных и необходимых линий творческого развития советской оперной сцены. Ленинград особенно отчетливо ощущалась в Ленинграде, где она была как бы провозглашена в Госопере памятник Радловской постановкой «Бориса Годунова» и нашла дальнейшее продолжение в постановке «Евгения Онегина» и «Черевичек».

Почему мы считаем эти работы ценными завоеваниями советского музыкального театра? Да потому, что здесь — несмотря на отдельные ошибки — в лице все же серьезная попытка критического пересмотра классиков, попытка преодоления всех музыкально-оценочных и колониальных традиций, устоявшихся чуть ли не в девяностых годах прошлого столетия, попытка нового истолкования на основе сознательно-критического освоения материала с точки зрения нашей идеологии. И потому — наряду с проблемой создания советского музыкального спектакля — такая работа по отбору и пересмотру классической оперы представляет собой очень существенный интерес.

Но вот новым руководством Госоперы возобновляется «Юдифь» Серова. Возобновляется на глазах премьеры, как первый творческий шаг в новом сезоне. И в специальной декларации о путях Госоперы новый ее руководитель С. Э. Радлов относит «Юдифу» к числу тех постановок, которые должны определять новое лицо театра в смысле «решительного улучшения ежедневной его продукции» упоминает «Юдифу» в контексте с рядом других возобновлений, которые будут подвергаться «капитальному ремонту на ходу».

Можно ли считать Серова классиком и в принципе желать его возобновления? Остаются вопросы открыты. Но если уж Серов желателен на советской сцене, то несомненно гораздо более желателен его «Вражьи силы» нежели его «Юдифа». Почему? Да потому, что «Вражьи силы» представляет собой одну из редких попыток создания бытовой оперы, по самому своему характеру гораздо ближе примыкающей к сегодняшним проблемам музыкального театра, нежели квази-гетто-классика и романтически-

штампованная «Юдифа». Известные народные песни, танцы «Вражьи силы» представляют собой материал более интересный, чем какой-либо ампетиризм, нежели условный «народный» восток «Юдифы». Наконец, и в плане оперном «Вражьи силы» имеет известную ценность в смысле изображения оперным певцом реалистически трагических бытовых образов.

Полную противоположность представляют «Юдифу». Вот громадная опера, возрождающая мертвые традиции «большого оперного спектакля», который не мыслится вне обязательного участия трехсот исполнителей, двух мощных оркестров, настоящих дирижеров, гримажеров и типичных оперных героев, которые «срут стрелы в клочья». Установка Серова на «силу» личности, на «сверхчеловека» и наши дни ознаменованы окончательно неосуществительной и скатывается к «обычному» оперному героизму. Надо ли говорить, насколько противоречит все это основам долгожданной советской оперы?

Все эти соображения кажутся тем более важными, что «Юдифа» возобновляется в старой постановке девяностых годов, подверглась весьма своеобразному «критическому пересмотру». Лифетто Майкова и Серова с его явно ощутимой реалистической направленностью подверглось довольно неуважительным полетам и примитивным подточкам. В пеллах «выколачивания реалистичности», введенных довольно обильные купюры, Оперы, естественно, получилась ее выверенной и желаемой нам направленности, а просто искаженной и искаженной, и никак не соответствующей тому, что мы ждем сегодня от музыкального театра. Налицо не критическое восприятие и преодоление наследия, а довольно примитивное, вульгарное и не приспособление старой оперы.

Оперный сезон начинается явно неудачно. Декларация нового руководителя Госоперы С. Э. Радлова, изложенная в «Рабочем и театре», есть минималистская и ошибочная декларация. Что бы там ни говорили — она в основном сводит вопрос к мелким «ремонтам на ходу», к новым костюмам для «Красного мада» и к техническому переоборудованию «Онегина». Основное — проблема создания советской оперы и идейная реинизация классиков — производит очевидное впечатление пылассенного на второй план.

Не имеет смысла говорить об «Юдифе» в отношении ее исполнения в-ом Госопе. Следует вновь напомнить о творческом ослеплении музыкального театра о слишком заметном отставании его от творческих задач советского искусства, о назревшей необходимости перестройки форм, методов и принципов работы оперной сцены.

ЕВГ. КУЗНЕЦОВ